

18+

Пауль Цех

РИЛЬКЕ. РЕКВИЕМ

Пауль Цех Рильке. Реквием

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73784508

ISBN 9785006971875

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В «Реквиеме по Рильке» Пауль Цех создал яркий и запоминающийся портрет выдающегося поэта XX века Райнера Мариа Рильке (1875–1926). Художник-экспрессионист, который восхищался Рильке и был свидетелем его творчества, сумел не только раскрыть образ своего кумира, полный мужества, стоицизма и кротости, но и представил его с неожиданной стороны – как поэта, ведущего крестовый поход... с лирой Орфея.

Содержание

Об авторе и его книге	8
«Не дай сомненьям одолеть тебя» ²	8
«Я славлю!»	17
Вводное слово Пауля Цеха	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рильке. Реквием

Пауль Цех

Переводчик Владислав Васильевич Цылёв

Составитель Владислав Васильевич Цылёв

Дизайнер обложки Владислав Васильевич Цылёв

© Пауль Цех, 2026

© Владислав Васильевич Цылёв, перевод, 2026

© Владислав Васильевич Цылёв, составитель, 2026

© Владислав Васильевич Цылёв, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-7187-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скажи, так в чём твой труд, поэт? – Я славлю.

Но как смиряешь смерть – какой скрижалью?

Как груз чудовищный несёшь? – Я славлю.

Но как зовёшь к сокровитному за далью —

К той тайне, что без имени? – Я славлю.

Ты многолик, но как бы ни был явлен,

Откуда дар твой правдой быть? – Я славлю.

Ты с тишиной един, со страстью сплавлен:

Звезда и шторм ты? – Потому что славлю.¹

Р. М. Рильке

¹ Стихотворение Р. М. Рильке «O sage Dichter...»

Портрет Рильке, Эмиль Орлик (1870 – 1932)

Об авторе и его книге

«Не дай сомненьям одолеть тебя»²

*Каждая жизнь проживается тысячу раз
тысячью жизней.*

Иногда в терцинах.

Иногда с кулаками.

Пауль Цех, «Автопортрет»

Образ Пауля Цеха (1881 – 1946), одного из ярчайших представителей немецкого экспрессионизма, тонет в сплетении мифов, которые он усердно создавал вокруг себя. Неординарный поэт, прозаик, драматург, эссеист и переводчик, он отличался упрямым нравом «крестьянина вестфальской крови», был склонен к мистификациям и не раз попадал в психиатрическую больницу.

Его летописцам пришлось немало потрудиться, чтобы отделить в его насыщенной биографии зёрна от плевел. Мы остановимся лишь на некоторых штрихах к его портрету.

² Строка из стихотворения П. Цеха «Lass Dich nicht vom Zweifel übermannen...».

За свою жизнь Цех перебрал множество профессий. Поначалу, испытывая острейшую нужду, он зарабатывал на жизнь кочегаром на грузовом судне и разнорабочим на шахтах, затем – кладовщиком и кондитером. На литературном поприще работал корреспондентом, редактором, драматургом, руководителем рекламного отдела и помощником библиотекаря.

Его первые значимые стихи вышли в журнале «Sturm» в 1910 году. В ранней поэзии и прозе он уделял основное внимание природе, прежде чем обратиться к своей главной теме – миру труда и рабочих.

В разные годы его связывали дружеские отношения или переписка с Эльзой Ласкер-Шюлер, Францем Верфелем, Стефаном Цвейгом и Максом Германом-Найсе.

Неизвестно, был ли Цех лично знаком с Рильке, но можно с уверенностью сказать, что он мог посещать выступления поэта, пусть и редкие, и, безусловно, являлся его страстным поклонником. В бурном житейском море Цех нередко спасался, причаливая на своём утлом судёнышке к орфическому острову Рильке. Неудивительно, что Цех был одним из первых, кто опубликовал исследование творчества своего кумира, в ту пору ещё недостаточно именитого. Это произо-

шло в 1912 году, ещё при жизни Рильке³.

В начале Первой мировой войны Цех увлекался патриотическими стихами, однако к 1915 году его отношение к войне изменилось на резко скептическое, что нашло отражение в его произведениях. Он участвовал в боях на Западном фронте, прошёл через ад Вердена и пережил ужасы битвы на Сомме. Летом 1916 года Цех получил серьёзное ранение, оказавшись заживо погребённым в окопе. За свои боевые заслуги он был награждён Железным крестом.

Настоящий литературный успех пришёл к нему с выходом сборника новелл «Чёрный Баал» в 1917 году. Премия Клейста, присуждённая ему в 1918 году, и включение двенадцати его стихотворений в престижную антологию «Сумерки человечества» Курта Пинтуса (1919) стали заслуженным признанием его мастерства.

Помимо своих многочисленных произведений, включавших поэзию, прозу и драму, Цех занимался активным «переосмыслением» шедевров мировой литературы. Он получил известность как слишком вольный переводчик Вийона, Рембо, Бальзака, Луизы Лабе и Хорхе Луиса Борхеса. Наибольшую популярность ему принесли переложения «Порочных баллад и песен Франсуа Вийона». Среди них оказались

³ Пауль Цех: «Райнер Мария Рильке», Берлин, 1912 г.

и его собственные стихи, стилизованные под Вийона, которые пользовались не меньшим успехом. Подобным образом он адаптировал и 24 сонета Луизы Лабе, основываясь на переводе Рильке, опубликованном в 1917 году.

В память о Рильке, который ушёл из жизни 29 декабря 1926 года, в январе 1927 года Цех написал глубоко взволнованную статью «Реквием по Рильке» для специального выпуска журнала «Orplid» под редакцией Мартина Рокенбаха. В том же году берлинское издательство «Officina Serpentis» выпустило в ярко красной обложке тоненькую книжечку Цеха под названием «Райнер Мария Рильке. Реквием».

Спустя три года, в Дрездене, Цех опубликовал биографическое исследование о творчестве Рильке – «Райнер Мария Рильке: человек и его творения», которое было более полным, чем предыдущее, написанное в 1912 году. Книга имела амбициозный подзаголовок «Первое всеобъемлющее исследование творчества Рильке». Позднее выяснилось, что в приложении к этому изданию были опубликованы два письма, придуманных самим Цехом. Первое письмо якобы было написано поэтом 12 сентября 1907 года в Париже, а второе – 24 декабря 1920 года в замке Берг-ам-Ирхель.

В 1933 году Цех был вынужден бежать из Германии в Аргентину, но не только по причине своего враждебного отно-

шения к нацизму. Оказывается, его разыскивали за кражу более 2500 ценных книг из библиотеки, где он занимался приёмкой раритетов из частных собраний.

В эмиграции Цех едва сводил концы с концами. Он продолжал много писать и, чтобы привлечь внимание читателей, не скупился на вымыслы. Особенно он любил рассказывать о своих путешествиях по Южной Америке и жизни среди индейских племен.

Не оставлял Цех и мысли о Рильке. В июне 1946 года в журнале «Saber vivir» на испанском языке была опубликована его обширная статья «Райнер Мария Рильке и Беттина фон Арним», в которой Цех цитирует замечательные слова Рильке, сказанные о Беттине:

Она – одно из величайших перерождений, благодаря которым Вселенная становится реальностью.⁴

Эти слова, если вдуматься, идеально завершают «Автопортрет» Цеха: «Каждая жизнь проживается тысячу раз тысячью жизней» – и всё ради главного события – великого преобразования.

Вскоре, 7 сентября 1946 года, в Буэнос-Айресе Пауль Цех покинул этот мир. Возвращаясь домой, он почувствовал се-

⁴ Цитата из «Записок Мальте Лауридса Бригге»

бя плохо и упал на газон в нескольких шагах от дверей своей квартиры. Спасти его не успели.

Цех оставил после себя значительное литературное наследие. Многие стихи, прозаические тексты и драмы периода его изгнания до сих пор остаются неопубликованными.

Обозревая извилистый жизненный путь Пауля Цеха, можно сказать, что у него была неоднозначная репутация и сложные отношения с судьбой. Но, к его чести, он никогда не отступал от своего литературного призвания, и в его груди до последнего удара билось горячее сердце.

Тяжело болевший Цех годами ожидал своей смерти и даже подумывал о самоубийстве. Поэтому он заранее подготовил эпитафию и желал, чтобы её высекли на его надгробной плите. Эпитафия гласит⁵:

*Der hier in dieser fremden Erde ruht,
bei Wurm und Wurzeln und dem Ur-Geschehn
von Werden, Gehn und Wiederauferstehn:
auch er war Blut von unserem Blut.*

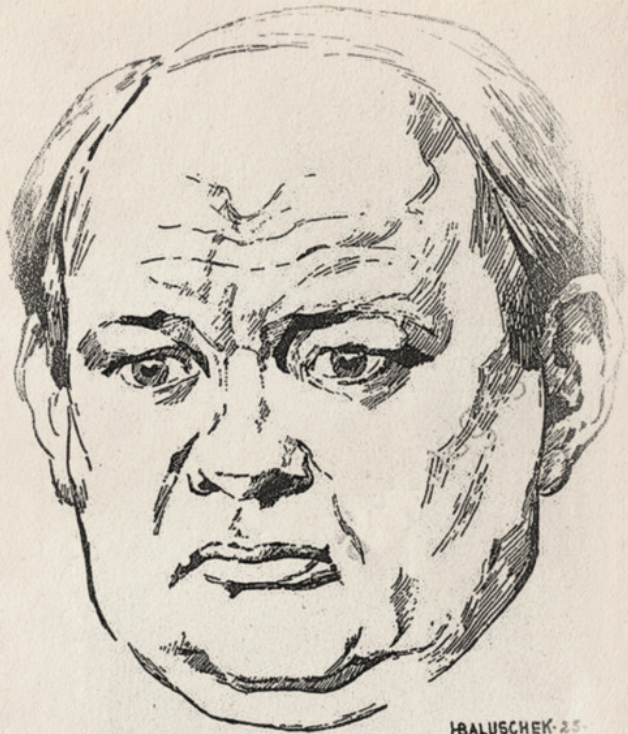
*Und was uns immer so missfiel
an seinem Wesen, seinem Werk und Ziel,*

⁵ Вместо этого стихотворения Эльза де Куш, гражданская жена Цеха, выбрала фразу «Ты бессмертен!»

*das war nichts anderes als in Wirklichkeit
des Spiegelbild von uns und unserer Zeit.*

*Тот, кто покоится в земле чужой,
Среди червей, корней, во тьме брожения,
Рожденья, смерти и преображенья,
Ведь он был крови нашей, не иной.*

*И всё, что мы в нём осуждали,
Его поступки, мысли, путь,
Лишь наше отражение и суть
Времён, в которых мы блуждали.*

H-BALUSCHEK-25-

Baluschek

Пауль Цех, Ганс Балушек (1870—1935)

«Я славлю!»

«*Ich rühme!*»

Всю свою накопившуюся страсть по Рильке Пауль Цех смог выплеснуть в кульминационном сочинении о нём – «Реквиеме». В результате возник уникальный образ поэта, который отличается от тех, что обычно выводят литературоведы. Этот образ был нарисован кистью художника, который восхищался Рильке и был свидетелем его творчества.

Цех раскрывает феномен Рильке с двух противоположных и дополняющих друг друга сторон: как личность и как поэта. Причём в человеческом облике он – «произведение» самого себя [Ich-Seiende], столь же загадочное и выдающееся, как и в роли самодовлеющего и творящего поэтического начала [Da-Seiende].

С особой выразительной силой психологизм Рильке, его внутренний человек, его драма раскрываются в исповедальных, полных душевного крика письмах к Лу Саломе, фрагменты из которых цитирует Цех. В них Рильке предстает как человек, мучительно преодолевающий иллюзию своего отдельного «я», чьи переживания достигают крайних дионисийских проявлений, граничащих с полной самоизоляцией и отчаянием. Его самосозидание [Ich-Werk] – это духовный

крестовый поход [Kreuzzug], битва Духа и Плоти. Он – принесённый в жертву Орфей, что символизирует его страдания и борьбу с безумствующими менадами распада и лейкемии.

Однако в своих наивысших лирических откровениях Рильке видится совсем в ином свете – как орфический поэт, который преодолевает смерть и обладает героическими чертами. Он находится в самой гуще вещей и событий, он их движущая сила, их сакральный центр, их созидатель. Цех не скупится на эпитеты, чтобы описать его величие.

...он завершил свой путь в самом себе, многократно высвобождая себя в процессе созидания самого себя [«Ich-Werk»]. и достигая полной сосредоточенности для наивысших творений.

Рильке-поэт движется по аполлоническим тропам Бытия [Da-Seinszüge]. Он становится Богом-Певцом, Орфеем, который возносит свою лиру над царствами живых и мёртвых. Благодаря её звукам все миры сливаются в единое целое, и в этом единстве поэт раскрывает бессмертный человеческий образ как средоточие всех существ в их истинной сути [Ur-Sinn].

Важно отметить, что эссе Цеха – это не только проникновенный портрет Рильке. Это и духовный манифест, который призывает каждого из нас к самосовершенствованию и преобразованию мира. Девизом этого манифеста могли бы стать

слова Рильке, полные мужества, стоицизма и кротости:

Ich rühme!

*

От составителя и переводчика

Данная публикация представляет собой упомянутое эссе Пауля Цеха «Райнер Мария Рильке. Реквием» (1927).

Чтобы глубже проникнуть в мысли и чувства Цеха, я дополнил текст несколькими стихотворениями Рильке из его сборника «Новые стихотворения» (названия выделены жирным шрифтом). Также в приложении можно найти несколько сонетов, входящих в цикл «Сонеты к Орфею».

Все тексты, включая поэтические, даны в моём переводе, за исключением нескольких фрагментов. К текстам добавлены мои примечания. Цитаты на немецком языке, в основном из писем Рильке, приведены, чтобы не утруждать заинтересованного читателя поиском этих материалов.

В качестве иллюстраций использованы рисунки художни-

ков, работы которых являются общественным достоянием. На обложке книги помещён фрагмент портрета Рильке, созданный Оскаром Цвинчером (1870—1916).

Владислав Цылёв

Вводное слово Пауля Цеха

Эпоха, столь бурно и шумно переживающая переоценку всех ценностей, – эпоха, подобная той, в которой мы вынуждены сейчас существовать, с её колоссальным расходом физических и духовных сил, – всегда будет относиться к поэзии с холодком, если не с откровенной враждебностью. Из круговорота вещей мы познаём меру и вес таких непримиримо настроенных к поэтическому творчеству эпох, а вместе с тем и средства, позволяющие добраться до самых тонких разветвлений их причин. Но даже если мы отчётливо понимаем, что ни осознание движущих нами инстинктивных сил, ни организация сопротивления враждебным стихиям не смогут укрепить нас в достаточной степени, чтобы отвоевать утраченные позиции, мы не должны впадать в безмолвную покорность или занимать выжидательную позицию – это не может быть нашим единственным средством обороны. Мы полностью сдадимся, если круговорот созидательных энергий не будет постоянно поддерживать в нас жизнестойкость. Мы бесследно исчезнем, затерявшись между двумя поколениями, если не станем тем мостом, что соединит живой, просвещённой, и преемственной связью уходящее вчера и расцветающее ярким светом завтра. Если мы хотим удержаться на пути к вечному, всё будет зависеть исключительно от высвобождения наших творческих сил. На вызов

такой серьёзности может быть лишь один ответ: признание своей веры и отождествление себя с тем деятельным порывом, которому мы, как преданные ученики, следовали до этого часа.

Несомненно, немало рук участвовало в формировании духовного облика литературной эпохи между закатом натурализма и коротким, но мощным по своему влиянию интермеццо экспрессионизма, создавая его из серого первовещества повседневности. В этом деятельном калейдоскопе художники демонстрируют такую многоликость по темпераменту и духовному накалу, который определяется их индивидуальным мировоззрением и земным опытом, что, учитывая ограниченные возможности нашей литературной миссии, мы вынуждены вглядываться лишь в творчество тех, кто под влиянием некоего внешнего события так или иначе выдвигается на первый план и мелькает в скоротечных новостных сводках.

И вот, наконец, мы встречаем поэта, который доказал, что является личностью высочайшего уровня не со вчерашнего дня и даже не с того момента, когда он окончательно стал частью нашей духовной традиции, взирая на нас уже из-за пределов земного существования. А что касается мира художников, то он и вовсе стал настолько уникальным явлением, сияющим над серой массой посредственностей, кото-

рые доминируют во всех сферах жизни, что целое поколение творческих людей и ценителей искусства, вращаясь вокруг него и оплодотворённое им, уносит полученное от него дальше, к пурпурным горизонтам вечности. Во все времена поэты оказывали на своих современников более сильное влияние, чем творческие умы из других духовных сфер. И хотя это воздействие внешне не поддается исчислению средствами статистических таблиц и теорий окупаемости, чуткому и пронизательному человеку все же открывается та дуга, что зримым изгибом прочерчивает всеобщее движение вперед. Нам не обязательно всякий раз вспоминать хрестоматийный пример Гёте. Нет нужды указывать и на Ницше. Или на Стефана Георге и Герхарта Гауптмана.

Но когда здесь произносится имя Райнера Марии Рильке, то это делается не столько для того, чтобы почтить память усопшего, сколько для того, чтобы приблизить к себе образ этой беспримерной личности, этого сияющего человека-творца, и, воспламенившись его трудами, понять и раскрыть глубину и охват его художественных, духовно-нравственных и новаторских достижений.

В начале нашего пути, около 1910 года, когда мы, с юношеской незрелостью, уже пытались исследовать творчество Рильке, не обладая ни достаточным опытом, ни ясным пониманием сути его достижений, у нас была разве что сме-

лость. Смелость указать на поэта, еще не признанного широкой публикой и уж точно не избалованного критикой. К тому времени творчество мастера достигло уровня «Записок Мальте Лауридса Бригге». Кто распознал в этом глубокий перелом и пробуждение нового поколения, которое начиналось с Георга Гейма, Августа Штрамма и Франца Верфеля?

Наша ранняя работа была попыткой на примере Райнера Марии Рильке поддержать борьбу «молодых». Мы выступали против педантичных нападок фельетонных старцев, против цехового высокомерия господ Баба, Буссе и Лиссауэра. У нас нет амбиций требовать за это орден. То, что мы делали, было служением предтеч. С приходом богов оно было исполнено. И наше чело с гордостью и скорбью носит почетные шрамы.

И если сегодня мы, извлекая из пыльной и «пропавшей без вести» книги, в воскрешённом обличе призываем к жизни деяния поэта Райнера Марии Рильке, то речь снова идет о том, чтобы на этом великом примере показать, как нестерпимо мало в мире остаётся места для человека, устремленного в будущее, пылкого и созидającego. У подобных ему «новоприбывших» наблюдается тот же процесс развития, та же сила, которая знает, как возвысить свое «я» над индивидуальным и облечь его в форму искусства. Несмотря на вечно не умолкающих брюзг, ретроградов и окаменевших

хранителей «великих» устоев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.